

«УТВЕРЖДАЮ»
Проректор по научной работе ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
доктор юридических наук, профессор С.А. Белоусов

04 февраля 2025 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» о диссертации Щеглова Максима Игоревича на тему «Соотношение прокурорского надзора и судебного контроля на предварительном следствии», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Актуальность темы диссертационного исследования М.И. Щеглова обусловлена тем, что в достижении такой грани общего назначения уголовного судопроизводства, как недопущение необоснованного ограничения прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, ограждение личности от незаконного уголовного преследования, важнейшая роль принадлежит системе контрольно-надзорных отношений, предусмотренных законодателем в досудебном производстве. Важнейшими элементами данной системы являются судебный контроль и прокурорский надзор, которые должны выступать как четкий механизм обеспечения законности в деятельности органов предварительного расследования. Однако вопросы о том, как и в каких пределах должны сочетаться между собой судебный контроль и прокурорский надзор в досудебных стадиях процесса, вызывает множество вопросов и разногласий не только среди ученых, но и практиков. Как справедливо отмечает автор, «наличие рассогласованности между институтами судебного контроля и

прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия не способствует сокращению сроков расследования и эффективному расходованию процессуальных ресурсов». В силу этого проблемы выстраивания контрольно-надзорных взаимоотношений суда и прокурора в досудебном производстве, поиска оптимальных параметров взаимодействия данных участников процесса являются не только актуальными, но и имеющими важное практическое значение.

В теории российского уголовного процесса проблемам, связанным с соотношением прокурорского надзора и судебного контроля на предварительном следствии, уделено значительное внимание. М.И. Щеглов на основе имеющихся в доктрине уголовного процесса научных разработок и последних изменений действующего уголовно-процессуального законодательства комплексно исследует предмет, содержание и порядок осуществления на предварительном следствии судебного контроля и прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия. Нормативное содержание указанных категорий излагается диссертантом на основе законодательства Российской Федерации, с учетом теоретико-правовых позиций, изложенных в решениях Конституционного и Верховного судов России.

Научная новизна проведенного М.И. Щегловым диссертационного исследования заключается в том, что автором прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия исследован в соотношении и системном единстве с судебным контролем, и это сделано с учетом результатов реформы процессуальной и организационной основы досудебного производства и на современной эмпирической базе. В диссертации представлена авторская интерпретация теоретических и практических проблем осуществления прокурорского надзора и судебного контроля, предложены пути их решения в рамках разработанной М.И. Щегловым модели оптимального распределения предметов соответствующих

надзора и контроля, полномочий прокурора и суда, определения порядка их реализации в ходе предварительного следствия.

В целом диссертантом достаточно **успешно реализована цель исследования** – получение новых знаний и разработка на их основе научно обоснованной теоретической модели оптимального соотношения прокурорского надзора и судебного контроля на предварительном следствии для обеспечения последовательной реализации назначения уголовного судопроизводства (стр. 7 диссертации).

При этом автором были поставлены и решены научные задачи, имеющие значение, как для теории уголовного судопроизводства, так и для практики его осуществления, которые в их совокупности с определенной соискателем целью, объектом и предметом исследования соответствуют паспорту научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Достоинством представленной работы является использование диссертантом достаточного количества литературных источников и разнообразных нормативных актов. Рассматривая различные точки зрения, высказанные по тем или иным вопросам темы, М.И. Щеглов, как правило, предлагает свое решение проблемы либо приводит дополнительные аргументы в пользу отстаиваемой им позиции. При этом интересы автора не ограничиваются областью науки уголовного процесса, он оперирует научными положениями общей теории и истории государства и права, конституционного права, прокурорского надзора, социологии и иных наук.

Логичной выглядит структура работы, состоящей из введения, трех глав и заключения. В первой главе автор рассматривает ряд теоретических положений, которые отражают его представление о сущности прокурорского надзора и судебного контроля на предварительном следствии.

Вторая глава диссертации включает в себя три параграфа, в которых М.И. Щеглов обосновывает своё видение баланса между прокурорским надзором и судебным контролем на предварительном следствии, рассматривая

их предмет и полномочия прокурора и суда по осуществлению данных видов деятельности.

В третьей главе работы автор останавливается на возможных направлениях совершенствования прокурорского надзора и судебного контроля на предварительном следствии.

В целом обоснованными выглядят положения, выносимые автором на защиту (стр. 9 - 15 диссертации).

Теоретические положения, выводы и рекомендации по совершенствованию законодательства и практики его применения, составляющие содержание диссертации, сформулированы М.И. Щегловым самостоятельно и отражены в полученных им научных результатах, которые представляются интересными и заслуживающими внимания. К ним, в частности, относится авторское представление о современной парадигме предварительного следствия, характерными особенностями которой являются единство процессуального статуса следователя при его различной организационной принадлежности; выход следователя из-под процессуальной власти прокурора; нормативное отнесение следователя к стороне обвинения при сохранении направленности предварительного следствия на объективность и всесторонность исследования обстоятельств преступления; высокая степень подконтрольности деятельности следователя, что требует установления баланса между внутрисистемным (процессуальный контроль руководителя следственного органа) и внешнесистемным (прокурорский надзор и судебный контроль) контролем, а также между элементами внешнесистемного контроля (прокурорского надзора и судебного контроля) с тем, чтобы при сохранении процессуальной самостоятельности следователя, обеспечить качественное производство им предварительного следствия в разумный срок, создав при этом высокий уровень гарантий личности, вовлеченной в уголовно-процессуальные отношения (положение 1, выносимое на защиту).

В целом правильными видятся выделенные автором в положении 2, выносимом на защиту, проблемы действующей модели судебного, процессуального контроля и прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия (дублирование предметов судебного, процессуального контроля и прокурорского надзора; отсутствие системности осуществления прокурорского надзора и судебного контроля и т.д.)

Заслуживает одобрения последовательно отстаиваемая автором позиция о недопустимости слепого копирования зарубежных правовых конструкций осуществления судебного контроля и прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве, не учитывающих историко-правовые традиции, самобытность и особенности государственного устройства России (положение 3, выносимое на защиту, пар.1.3 диссертации)

Представляет интерес, хотя и является не бесспорным, вывод автора о том, что в настоящее время прокурорский надзор за деятельностью следователя связан с определенными «процессуальными событиями» (получением копии процессуального решения следователя или жалобы участника уголовного судопроизводства), и в целом утрачивает инициативность, приобретая черты дистанционности (стр. 80, 92).

Небезинтересным является исследование М.И. Щегловым предмета прокурорского надзора в досудебных стадиях уголовного процесса (стр. 77-80) и его вывод о том, что основная цель судебного контроля – защита прав и свобод участников предварительного расследования, а прокурорского надзора – обеспечение законности и обоснованности процессуальных действий и решений следователя, что одновременно обеспечивает и права и законные интересы лиц, подвергающихся уголовному преследованию, потерпевших и иных участников предварительного расследования (стр. 81). Научный и практический интерес представляет также проведенный автором анализ сущности таких актов прокурорского реагирования, как требование и представление (стр. 85-87).

Следует поддержать выделенные автором признаки результативности уголовно-процессуальной деятельности в целом и судебного контроля, в частности (стр. 144-145).

Справедливым следует признать мнение соискателя о том, что «характер и степень участия следователя в судебно-контрольных процедурах определен законодателем схематично, ... хотя такое участие следователя позволяет усиливать их эффективность, так как следователь располагает всем необходимым объемом доказательственной информации, ... и может мотивировать необходимость принятия судом процессуального решения (стр. 149).

Диссертантом сделано значительное число предложений по совершенствованию российского уголовно-процессуального законодательства, в обобщенном виде представленных в приложении 1 (стр. 219-220 диссертации).

Эти и другие, содержащиеся в диссертации положения, выводы и рекомендации, а равно используемая для их обоснования аргументация представляют научный интерес и могут быть расценены как личный вклад автора в науку уголовного процесса.

Все выводы и рекомендации автора основаны **на применении надежной методологии исследования**. Автором использованы общенаучные (системный и структурно-функциональный, анализа и синтеза, включенного наблюдения) и частно-научные (историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, правового моделирования) методы познания, а также методы социологического исследования (анкетный опрос и анализ статистических данных).

Эмпирическую базу исследования составили результаты изучения 357 уголовных дел, расследованных и рассмотренных судами ряда регионов страны; данные анкетирования 187 сотрудников следственных органов МВД и СК России; материалы опубликованной практики и официальные статистические данные. Результаты эмпирических изысканий автора нашли

отражение в виде примеров из практики, иллюстрирующих основные выводы диссертационного исследования и которые наглядно представлены в приложениях к диссертации в виде таблиц, диаграмм, графиков.

Хотя следует отметить, что не все результаты анализа статистических показателей убеждают в обоснованности авторской позиции. Так, М.И. Щеглов безапелляционно заявляет о том, что качество следственной деятельности приобрело устойчивую тенденцию к повышению, ссылаясь на статданные о высоком проценте удовлетворенных судами ходатайств о мерах пресечения, избираемых следователями, о небольшом количестве удовлетворенных судами жалоб на действия (бездействие) следователей, низкой доле оправдательных приговоров, постановленных судами, а также на значительное количество дел, рассмотренных в особом порядке при согласии лица с предъявленным обвинением (стр. 80, 96-97, 100 диссертации).

Полагаем, что статистические показатели не могут в полном объеме отражать состояние той или иной практической ситуации, не охватывают всех показателей оценки качества действий или решений, принимаемых на предварительном следствии. Нам представляются вполне обоснованными указания ведущих российских ученых-процессуалистов на то, что близкая к 100 % удовлетворимость ходатайств органов расследования о производстве процессуальных действий скорее говорит о неэффективности судебного контроля, превращенного в выдачу разрешений, что приводит к необоснованному ограничению прав личности, формирует в общественном правосознании убеждение, что суд заодно со следователем. Наличие обвинительного уклона в деятельности суда подтвердил и Президент Российской Федерации в одном из своих обращений к Федеральному Собранию. На невысокое качество предварительного расследования постоянно указывают и работники органов прокуратуры в социологических исследованиях, регулярно проводимых учеными Саратовской государственной юридической академии.

Практическое значение полученных соискателем результатов заключается в возможности их использования в правотворческой деятельности с целью дальнейшего совершенствования правового регулирования предварительного следствия, а также институтов судебного контроля и прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. Материалы диссертации могут оказаться востребованными в образовательном процессе высших учебных заведений, в системе профессиональной подготовки и повышения квалификации сотрудников органов предварительного следствия, прокуратуры, суда.

Результаты диссертационного исследования получили **достаточную апробацию** в виде публикации автором 8 научных статей в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, а также в выступлениях автора на научных мероприятиях международного и всероссийского уровня. Публикации соискателя отражают основные предложения и выводы проведенного им диссертационного исследования.

Результаты диссертационного исследования внедрены в образовательную деятельность юридического института Севастопольского государственного университета.

Все отмеченные выше достоинства свидетельствуют о самостоятельном характере и высоком теоретическом уровне представленного М.И. Щегловым диссертационного исследования. Выводы, сформулированные в диссертации, в целом логичны и убедительны и углубляют существующие представления о сущности и направлениях совершенствования прокурорского надзора и судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса.

Однако, наряду с указанными достоинствами рассматриваемой работы, в ней, как в любом творческом научном исследовании, имеются

некоторые недостатки, противоречивые и недостаточно обоснованные положения:

1. Так, противоречивой выглядит авторская классификация полномочий прокурора. В положении 4, выносимом на защиту (стр. 11), диссертант классифицирует полномочия прокурора на предварительном следствии в зависимости от реализуемой им процессуальной функции, включая в первую группу полномочия, находящиеся на стыке функций по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и по осуществлению уголовного преследования. Однако далее в диссертации М.И. Щеглов категорично утверждает, что уголовное преследование на этапе предварительного расследования прокурор не осуществляет вовсе, занимаясь исключительно надзорной деятельностью в отношении органов предварительного расследования (с. 82), и предложенная автором классификация видоизменяется в содержательном плане: в ней первую группу уже образуют полномочия, связанные с мерами реагирования при осуществлении надзора (информирование руководителя следственного органа о допущенных нарушениях с требованием их устранить) (стр. 84). А на странице 123 диссертации автор вновь констатирует, что «прокурор, помимо следователя и дознавателя, осуществляет функцию уголовного преследования и обладает отдельными процессуальными возможностями для ее реализации».

2. В положении 6, выносимом на защиту (стр. 13), М.И. Щеглов предлагает «установить принцип системности, выделив две непересекающиеся подсистемы: внесудебную (процессуальный контроль руководителя следственного органа и прокурорский надзор) и судебную (судебный контроль), где переход во вторую подсистему допускается только после исчерпания возможностей по устранению нарушений и восстановлению прав участников уголовного судопроизводства в первой подсистеме», чтобы исключить ситуации, когда происходит «одновременное рассмотрение жалобы судом, прокурором и руководителем следственного органа». Однако возникает вопрос о том, как быть, если заявитель не желает обжаловать

незаконное решение (действие, бездействие) следователя руководителю следственного органа и прокурору (например, в силу того, что не верит в эффективность защиты своих нарушенных прав с их стороны)? Как представляется, данное предложение автора чревато ограничением не только принципа, закрепляющего право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ), но и, безусловно, скажется на обеспечении права участников процесса на разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

Кроме того, в диссертации автор проявил некоторую непоследовательность при изложении предложенной схемы обжалования решений и действий (бездействия) следователя. На стр. 156 диссертации он однозначно указывает, что «ступенчатая» система контроля и надзора предполагает первичное обжалование «исключительно руководителю следственного органа, вторичное (при отказе в ее удовлетворении) – прокурору и только последующее – в судебном порядке». Однако чуть ранее на стр. 155 диссертации автор пишет, что «принятое следователем решение, а также иные его действия (бездействие) первично подлежат обжалованию руководителю следственного органа, по результатам которого действия могут быть обжалованы прокурору **либо** в суд».

3. Не вполне обоснованной представляется идея автора о «четком разведении предметов обжалования между руководителем следственного органа и прокурором, изъятии из подведомственности прокурора рассмотрения жалоб, связанных с направлением хода расследования, выбором следственных действий и тактикой их проведения» (положения 7, 8, выносимые на защиту (стр. 13, 14), и недопустимости судебного обжалования решений, связанных с тактикой производства расследования (стр. 158). Непонятно, какие действия и решения, связанные с тактикой производства расследования, имеющие организационно-распорядительный характер или относящиеся к особенностям производства следственных действий, могут быть предметом обжалования участниками процесса? В качестве предмета

обжалования выступают законность и обоснованность решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, а не тактика производства следственных действий, которая вообще не регламентирована УПК РФ. И тем более не могут быть предметом обжалования организационно-распорядительные действия и решения указанных лиц, также находящиеся вне поля уголовно-процессуального регулирования.

4. Трудно согласиться с идеей М.И. Щеглова о необходимости законодательного закрепления возможности следователя, обвиняемого (подозреваемого) и защитника обжаловать в судебном порядке решение прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (положения 5 и 8, выносимые на защиту; стр. 12, 14, 132-134, 140, 161-162). В УПК РФ и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» заключение данного соглашения позиционируется как право прокурора. В силу этого институт досудебного соглашения о сотрудничестве в теории российского уголовного процесса справедливо рассматривается как проявление диспозитивных начал в уголовном судопроизводстве, которому присущи признаки гражданско-правового договора. Решение же суда о признании постановления прокурора об отказе в заключении соглашения незаконным приведёт к искусственной трансформации права прокурора на заключение досудебного соглашения в его обязанность и будет восприниматься как понуждение к заключению договора. Кроме того, отказ прокурора в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обусловлен мотивами нецелесообразности, связанными, в том числе, и с тактикой производства расследования. А как отмечалось выше, сам диссертант в предложенной им редакции примечания к ст. 125 УПК РФ заявляет, что решения, связанные с тактикой производства расследования, не подлежат обжалованию в судебном порядке.

5. Столь же дискуссионным представляется и суждение автора о том, что в результате отмены прокурором постановления о возбуждении уголовного дела нивелируется процессуальный статус потерпевшего (стр. 89). По мнению соискателя, вынесение постановления о возбуждении уголовного дела автоматически ставит лицо в процессуальное положение потерпевшего. Однако, согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ, статус потерпевшего лицо приобретает только после вынесения следователем соответствующего постановления, которое, по общему правилу, должно быть вынесено незамедлительно после возбуждения уголовного дела (если сведения о потерпевшем известны). С учетом того, что УПК РФ устанавливает предельно короткие сроки направления прокурору копии постановления о возбуждении уголовного дела и отмены им данного решения, постановление о признании лица потерпевшим в этот промежуток времени может быть просто не вынесено, и значит отмена прокурором постановления о возбуждении уголовного дела никак не отразится на статусе лица, которому преступлением причин вред.

6. По мнению диссертанта, недостатком действующего законодательства является то, что в нем отсутствует прозрачная, понятная система оценки законности и обоснованности решений следователя прокурором, при том, что УПК РФ устанавливает четкие основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке (стр. 90). Представляется, что данная аналогия некорректна, так как недопустимо сопоставлять основания для отмены итоговых судебных решений и решений, принятых в досудебном производстве. Исходя из этого, законодатель не устанавливает и четких оснований отмены **судом** решений, обжалуемых в порядке ст. 125 УПК РФ, но это ни в коем случае нельзя расценивать как возможность принятия судьей произвольного, необъективного решения по такой жалобе. Предложение автора об установлении в законе положений, которые «могут обеспечить выработку единой системы оценки полученных доказательств» (стр. 91) вызывают возражения в силу того, что оценка доказательств - это логическая деятельность, основанная на внутреннем

убеждении лица, которую невозможно загнать в шаблон, превратить в инструкцию, зафиксированную в законе.

7. Разделяя неоднократно высказанную ранее точку зрения (к которой присоединяется и автор) о дифференциации судебного контроля на судебное санкционирование и судебную проверку (стр. 103), не вполне понимаем, по каким причинам судебным санкционированием не охватываются полномочия суда по наложению ареста на ценные бумаги, применению денежного взыскания. Точно также неясно, почему наложение ареста на имущество, которое УПК РФ относит к мерам процессуального принуждения, автор рассматривает как следственное действие, разрешение на производство которого дается судом (стр. 104, 147). Аналогичным образом необъяснимо исключение автором из сферы судебной проверки законности следственных действий, проведенных в ситуациях, не терпящих отлагательства.

Следует отметить, что в диссертации М.И. Щеглова в целом достаточно произвольно используется устоявшийся в современной теории уголовного процесса понятийный аппарат. Так, вторая стадия российского уголовного судопроизводства именуется автором то предварительным следствием, то досудебным производством (стр. 36, 38, 57), то досудебным разбирательством (стр. 88); гласность, регламентированная в УПК РФ как общее условие судебного разбирательства, относится соискателем к принципам процесса (стр. 154), недопустимыми доказательствами, как указывает соискатель, в определенных случаях должны признаваться следственные действия, а не их протоколы (с. 89) и т.д.

К сожалению, автору не удалось избежать некоторых технических погрешностей. Так, в списке литературы нормативно-правовые акты (УПК РФ, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации») приведены по состоянию на 29.05.2024 года, что не соответствует их действующей редакции. Кроме того, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в списке литературы приведена в разделе действующих нормативно-правовых актов под номером 2, сразу после Конституции РФ.

Однако, в связи с принятием Федерального закона «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» от 28.02.2023 N 43-ФЗ (о котором сам же автор упоминает в тексте диссертации) данный правовой акт должен располагаться в разделе «нормативно-правовые акты иностранных государств».

Кроме того, в списке литературы в разделе «Периодические издания» автор почему-то указывает не только статьи, опубликованные в научных журналах, но и монографии, учебники, комментарии законодательства.

Высказанные замечания носят частный характер, касаются дискуссионных положений и ориентируют автора на более четкое формулирование и развернутую аргументацию своих научных взглядов. Они не влияют на общую **положительную оценку представленной к защите диссертации.**

Автореферат диссертации отражает основные идеи и выводы проведенного М.И. Щегловым исследования, вклад соискателя в разработку избранной темы, степень новизны и значимости результатов проведенных автором исследований.

Диссертация в целом оформлена в соответствии с Положением о присуждении ученых степеней (п. 15), а также соответствует требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденного Приказом Минобрнауки России от 10.11.2017 № 1093 (в последней редакции), к оформлению диссертаций (п. 30).

Вывод: Диссертация Щеглова Максима Игоревича на тему «Соотношение прокурорского надзора и судебного контроля на предварительном следствии», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук, соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки, является самостоятельной, завершенной, творческой, обладающей внутренним единством научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для теории

и практики уголовного судопроизводства, соответствует критериям, предусмотренным п. 9 и иным требованиям раздела II Положения о присуждении ученых степеней, утв. Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 (в последней ред.), а ее автор – Щеглов Максим Игоревич заслуживает присуждения искомой учёной степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Отзыв подготовлен профессором, доктором юридических наук, заведующим кафедрой уголовного процесса СГЮА Мановой Ниной Сергеевной, доцентом, кандидатом юридических наук, доцентом кафедры уголовного процесса СГЮА Григоряном Ваганом Леоновичем, доцентом, кандидатом юридических наук, доцентом кафедры уголовного процесса СГЮА Петровой Галиной Борисовной, обсужден и утвержден на заседании кафедры уголовного процесса 4 февраля 2025 года (протокол № 6).

4 февраля 2025 г.

**Заведующий кафедрой уголовного процесса
доктор юридических наук, профессор**

Манова
Манова Нина Сергеевна

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»
Юридический адрес: 410056, Саратовская область, город Саратов, ул. Вольская, д. 1.

тел.: (8452) 299-071
факс: (8452) 205-658
email: post@ssla.ru

